

№ 444 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Отпущение грехов С ВЪЕМ

Иоанн: Когда я в качестве студента пребывал в стенах Ленинградской Духовной академии (там же училась ставшая моей супругой Ирина Кутузова), у нас был штатный врач, которого молодёжь прозвала не иначе, как «Антигриппин». Этот старичок, по внешнему виду и поведению не очень смыслённый, всем без исключения назначал, а заодно и бесплатно выдавал пакетики белого безвкусного порошка под одноимённым названием «Антигриппин», с каковыми бы жалобами молодые люди к нему не обращались. Похоже, у него просто других лекарств не было. Быть могло и такое, что порошочек тот представлял собою обыкновенный тёртый мел. В последнем случае доктор был на самом деле гораздо умнее, чем мы о нём думали. И вправду, если нелечёный грипп проходит через неделю, а лечёный - через семь дней, какой смысл тратить церковные деньги на лекарства?! Люди молодые – всё заживёт, как на собаке.

Примерно такая же картина наблюдалась и две тысячи лет назад, в апостольском веке. Только выписывали не порошок, а оливковое масло (кстати, продукт как лекарство, в каких-то случаях намного полезнее мела). Больных елеем умащали, хотя иногда настолько обильно, что те рисковали «отдать концы» от самого лекарства – масло-то оно закрывает поры, тело лишается возможности дышать. Но, в каких-то случаях, особенно, если речь шла о ранениях – а войны там прекращались весьма редко – елей был единственным действительно эффективным лекарством. Ну, разве ещё кислое вино – перед умащением рану надо было промыть - обеззаразить кислотой.

Оливковое масло принимали и как лекарство – до сих пор его можно употреблять, например, как слабительное, и в пищу, и практически как безальтернативное косметическое средство. В те времена жирные волосы и блестящие лица были в моде. Помните, Иисус рекомендует постящимся выглядеть празднично, «намазав голову елеем» (Мф.6,17).

В этой же традиции и родной брат Иисуса Иаков напоминает о полезных свойствах масла для болящих в 13 главе своего послания, ныне читаемого за Божественной литургией: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне» (Иак.13,14). Вполне всё в древней милой традиции, а Иаков, ведь, был человеком традиционным до мозга костей, так сказать. Это он настаивал на том, что «вера без дел мертва»

(Иак.2,26). Мы-то с Вами склонны понимать эти слова апостола **по-своему**, подменяя содержание понятия на более логичное и нам подходящее. Мы без всякого сомнения согласимся, что наша вера без (**ДОБРЫХ**) дел мертва. Но слова «добрых» у Иакова в этих строках не планировалось. Он пишет о делах «**МОИСЕЕВА ЗАКОНА**». Он всерьёз считал, что христиане – это иудеи, принявшие Христа, как Мессию – **обрезанные, соблюдающие ритуальную чистоту, питающиеся лишь кошерным** и т.д. Т.е., Иаков был плоть от плоти иудейский законник-фарисей, конечно, в лучшем смысле этого слова.

Как и остальные тогдашние законоучители, он считал, что любая болезнь – это **наказание Божие за грехи**. Следовательно, и выздоровление возможно лишь синхронно с Господним прощением грехов немощному. Поэтому он и продолжает свою мысль: «И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак.13,15). Парадигма тогдашних иудеев достаточно жёсткая – **простит тебе грехи Всевышний, значит, выздоровеешь...** И, наоборот – если выздоровел, значит – ура! – все грехи твои тебе прощены!!!

К слову говоря, и до дня сегодняшнего бытует среди православного люда такое заблуждение, что, мол, как следствие христианского Таинства Елеосвящения, человек обретает не только исцеление от недугов, но и прощение грехов.

"Три кита", на которых зиждется воспитание наших чад

Разговор о воспитании детей, который мы с вами затеяли некоторое время назад, довольно длинный. На сей момент мы находимся, собственно, только во вводной части этой темы, и пытаемся определить, как сейчас модно говорить, философию проблематики. То есть, если так можно сказать, есть три кита, на которых стоит воспитание чад, три принципа, три подхода к воспитанию детей. Изначальный подход, который практиковался почти всеми и всегда, на протяжении всей истории человечества – это авторитарный. Строгость, полный контроль, сизмальства погружённость в труды и заботы. Второй подход называется либеральным – это диаметрально противоположность первому. Никакой строгости, полная свобода ребёнка - что хочет, то пусть и делает, никаких принуждений к труду. В общем, это как бы **современный** принцип воспитания чад, хотя идея такого подхода принадлежит ещё Руссо. И третий подход к воспитанию – это **библейский** подход, в котором есть элементы и авторитарного, и либерального принципов, но сверх этого есть и ещё очень важные составляющие, о которых нам предстоит поразмыслить.

Помните наставление в Притчах Соломона? «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына своего, а кто любит сына своего, тот с детства наказывает его» (Пр.13,25). Это с одной стороны. А с другой, вспомним апостола Павла, который настоятельно рекомендует: «Отцы, не раздражайте детей ваших, чтобы они не унывали» (Кол.3,21). Мы отмечали с вами, что уже ветхозаветная ситуация радикально отличается от типичных воззрений в рамках традиционных патриархальных сообществ. Как мы помним, родовое воспитание – это система интеграции появившегося человека в жизнь рода. У любого родового сообщества есть функции, которые, собственно, обеспечивают жизнь рода. Как у человеческого организма есть руки, ноги, голова, так и у рода каждый выполняет определённую функцию, но уже в масштабах сообщества.

Есть голова, которая руководит, а есть работники-«руки», которые трудятся, и так далее. Так вот, чем глубже и отработаннее система родового воспитания, тем лучше она умеет выбирать из своего человеческого материала подходящих для реализации этих функций людей. Иначе говоря, в рамках рода мы всегда будем иметь дело с приматом **функционального** отношения к человеку. То есть отдельно взятый человек – он сам по себе никто, он просто некий орган жизнедеятельности социального организма.

Что касается уже Ветхого Завета, то, как мы с вами подчеркивали, здесь мы всё-таки наблюдаем следующее новшество: появляющийся на свет человек – это не просто член рода, в первую очередь. Он – член народа Божия, и свободен, потому что он чадо Божие. Это очень важно запомнить. Мы не раз говорили с вами, что жизнь рода (если речь идет о патриархальных сообществах) вообще очень часто осложнена тем, что род подавлен необходимостью выживать. И там, где вожди выживания отпускаются – там уже часто находится место для либерального подхода к воспитанию, когда у человека есть время, и самое главное, возможность. Это одно и то же, на самом деле – где есть свободное время, там появляется возможность, скажем, посмотреть на небо и удивиться, и подумать, почему оно устроено именно так. В то время как в рамках родового сознания фантазировать и, тем более, рефлексировать особенно некогда, там задача другая: надо осваивать ключевые стороны рода и, следовательно, жизни, в которой род вращается. То есть конечная цель в рамках такого традиционного языческого патриархального типа воспитания – это максимально полная интеграция в мировой порядок. Мировой порядок самодостаточен, естественно, в языческом понимании. Это может выражаться как угодно, неважно. Важно, что есть мировой порядок, мироустроенность как таковая, и вот мы в ней вращаемся, чем искуснее, тем нам же лучше, тем мы легче выживаем.

Что же касается Ветхого Завета, то, как мы с вами не раз отмечали, появляющийся на свет человек – это, в первую очередь, не член рода. Первенец так и вовсе, как мы помним, посвящался Богу. Народ Божий не выживает, народ Божий вышел из царства необходимости в царство свободы, он уже не в египетском рабстве, и человек этого народа, прежде всего – чадо Божие.

Конечно, когда мы всё это говорим – подразумеваем идеал, а не то, чем дышали иудеи всех времен, начиная с современников Моисея, потому что бывало всякое, как вы это знаете. Но это мы оставляем за скобками. Мы сейчас обсуждаем идею. Тем более что и для Нового Завета, в значительной степени, как уже сказано, нам придётся обсуждать некую идею, увы, часто отвлечённую от реальности, или даже никогда не находившую своего воплощения.

Так вот, на уровне идеи, явившийся на свет человек в пределах народа Божия – не есть функция этого народа. Более того, он и не есть носитель функции для Бога, то есть, в очах Божиих. Это достаточно серьёзный момент, и на нём следовало бы остановиться. Не-функция народа означает, что человек появляется на свет не для того, чтобы своим существованием обеспечивать жизнедеятельность рода. И даже – повторимся – не функция по отношению к Богу. Что это означает?

С одной стороны, да – ветхозаветная этика пронизана идеей **служения** Богу. Раб Божий – слуга-работник, не тем, кем помыкают. Само слово «раб» на языке Библии – человек **ПРЕДАННЫЙ**, а не **ПОРАБОЩЕННЫЙ**, и человек, который находится на службе у Самого Бога. И в этом смысле он тот, кто себе, в общем, и не принадлежит. Но это с одной стороны. С другой – это очень своеобразная служба. Слуга Божий служит Всевышнему, чтобы было хорошо и ему. Это второй мотив, как вы помните, заключения

Моисеева Завета.

Говорим – Моисеева, потому что помним, что Ветхих Заветов было, собственно, **несколько**. Но когда мы рассуждаем о Законе, то подразумеваем Завет Моисеев. Потому что, собственно, с Моисеева Завета начинается жизнь с Богом целого народа, а не отдельного человека. Вспомним условия заключения Завета с Моисеем: чтобы хорошо было тебе, земле, которую Господь тебе даёт. Ты выбираешь путь жизни или путь смерти, а жизнь – это хорошо. То, что угодно Богу – то всегда хорошо. То есть – вот некий парадокс. Конечно, у каждого человека своё «хорошо», в этом смысле ни один член народа Божия не приговорён к тому или иному положению в мире, он может быть кем угодно и осуществлять свою жизнедеятельность как угодно. В этом смысле, разумеется, у члена народа Божия в отношении к члену традиционного сообщества – совершенно неоспоримое преимущество. Потому что здесь он уже в самом начале ищет своё место не в рамках миропорядка, а перед лицом Божиим, как чадо Божие, как тот, кому должно быть хорошо. И Бог хочет, чтобы ему было хорошо.

Конечно, в истории дохристианских сообществ были замечательные исключения, как, например, с древними греками периода расцвета. Совершенно уникальная была цивилизация, по большому счету, трудно повторимый опыт, тот, который пережила античная Греция! И вот в опыте Греции периода расцвета, эпохе афинской философии, Платона и даже времён, когда Александр Македонский Грецию захватил, – он ничего особенного там не поломал. Греки как жили, также приблизительно и продолжали жить, разве что, спеси поубавилось. Чуть-чуть поскромнее стали, но не настолько, чтобы переживать эпоху Александра Македонского как национальную катастрофу. Но вот в рамках этого сообщества, собственно, не было никакой борьбы за выживание. С другой стороны, в лице лучших представителей античности (а лучшими мы называем мыслителей, учёных) мы находим попытку обретения тех ценностей, которые были провозглашены в Библии, и параллельно с ней. Мы можем наблюдать у них близость с самим духом Ветхого Завета. Скажем, то, чем живёт Демокрит или Анаксагор, или Сократ, или даже стоики, то есть люди, которые бескорыстно ищут истину, и чихали они на свое благополучие, на свое выживание, а иногда даже эпатируют это свое пренебрежение, в лице Диогена, например...

На самом деле никакого противоречия здесь нет. Мы же читали у апостола Павла, что язычники по природе своей могут быть нравственными. Собственно, там, где это доброе по природе является, там мы обнаруживаем параллели не только с эпохой развитого Ветхого Завета, но и даже с Новым Заветом. Иустин Философ, питомец вот этой античной философской традиции, называл Сократа с Гераклитом христианами до Христа. Причём, это были для него бесспорные примеры, поэтому Иустин их и без комментариев оставил. А про других мог бы сказать то же самое, но с комментариями. По крайней мере, святые отцы вполне открыто пользовались авторитетом Аристотеля, – он для них был действительно не просто интеллектуальная фигура, а пример, достойный подражания.

Итак, приступая к вопросу о воспитании ребенка в контексте Библии, первое, что мы должны усвоить – что он чадо Божие, что он самоценен. Он в последнюю очередь – член нашей семьи или клана, и наши права на него не очень велики. Мы не можем с ним поступать так, как нам вздумается или захочется, дескать, мой ребенок, что хочу то с ним и делаю. Нет. Потому что наш ребенок – он же и чадо Божие. Он дорог не только нам, но и Богу. И не дай нам Бог войти в противоречие со Всевышним.